

Семантика в мифопоэтической парадигме: опыт исследования лексической семантики

Е. Н. Цветаева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elenatsvetaeva@yandex.ru

Аннотация. В исследовании рассматриваются такие семантические процессы в немецком языке, которые отнесены к мифу как к способу мышления. Они репрезентируют ряд мифологем (представлений и мотивов). Лексемы и фраземы, их вербализующие, составляют материал исследования. Его цель – демонстрация возможностей мифосемантического описания лексики, которое дает необходимые инструменты для изучения семантических процессов, определяющих, в том числе, синтагматические и парадигматические отношения языковых единиц в лексической системе языка. Автор опирается на историко-этимологический анализ и сравнительный метод для выявления общих семантических тенденций; контекстный анализ позволит проанализировать значение слов в конкретные исторические моменты; а корпусный – судить о динамике лексических изменений.

Ключевые слова: историческая семантика, мифопоэтическая модель мира, мифосема, фразема, семантические изменения

Для цитирования: Цветаева Е. Н. Семантика в мифопоэтической парадигме: опыт исследования лексической семантики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 98–104.

Original article

Semantics Within the Mythopoetic Paradigm: Studying Lexical Semantics

Elena N. Tsvetaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elenatsvetaeva@yandex.ru

Abstract. The paper considers challenges arising while studying German language semantic processes determined by their relation to myth as a mode of thought and representing a corresponding set of mythologems (concepts and motives). Lexemes as well as phrasemes which articulate such lexemes comprise the data for this study, while the aim of the study is to showcase the capabilities of the mythosemantic approach to lexis description as applied to studies concerned with evolution of polysemy, syntagmatics and paradigmatics. The present study employs historical and etymological analysis as well as comparative approach in order to identify general semantic trends. Contextual analysis gives the opportunity to study the meaning of certain words at certain times throughout history meanwhile corpus analysis enables tracking of lexical change.

Keywords: historical semantics, mythopoetic world model, mythoseme, phraseological unit, semantic change

For citation: Tsvetaeva, E. N. (2025). Semantics within the mythopoetic paradigm: studying lexical semantics Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 98–104. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия лингвисты, занимающиеся проблемами лексической семантики, могут с удовлетворением констатировать серьезный поворот науки в сторону семантики вообще, и в особенности тех ее аспектов, которые связаны с понятием семантического перехода. Он осмысливается в качестве объекта семантической типологии и теории многозначности [The lexical typology of semantic shifts, 2016; Marzo, 2013; Traugott, Dasher, 2002; Zaliziak, 2018]. Чрезвычайно важным в этом смысле стал и «Лингвистический форум 2024: Семантические переходы в языках мира», организованный Институтом языкознания РАН и наметивший несколько актуальных векторов исследований этой области лингвистического знания, затронувшие, помимо лексической типологии, в том числе, историческую семантику и этимологию, когнитивные механизмы семантических переходов, мотивационные модели и стратегии номинации и др. В этой связи актуальность предлагаемого исследования видится в необходимости дальнейшей разработки подходов, предполагающих «сложение» лексико-семантических и историко-этимологических результатов анализа эмпирического материала, проводимого на фоне определенного лингвокультурного и лингвокогнитивного континуума.

Очевидно, что всякий глубокий «вход» в семантику немалым без этимологизирования, диахронического рассмотрения языковых фактов, однако этого недостаточно. Необходим соответствующий исторический анализ с учетом и релевантных внеязыковых факторов. Подобный подход приближает нас к более цельному представлению о сути языковых процессов, дает возможность судить о целом по части и о части по целому. Слово как таковое, проявляющее себя в разных взаимоотношениях и связях, предстает перед нами не застывшим памятником, но живым и динамичным явлением. Слово в его семантическом пространстве можно сравнить с произведением искусства. Подобно художественному образу (или системе образов) слово выступает и в качестве конкретного знака, и в качестве отвлеченной идеи¹. Абсолютно верной представляется мысль о том, что искусство «не считает времен, оно их показывает», в нем «соприкасаются не просто вчера – сегодня – завтра, но Древность, Средние

века и новое время» [Соколов, 2002, с. 10–14], и их разнообразные хронологические модусы мы можем наблюдать слитыми воедино в каком-либо одном проявлении. Так и семантика слова – не считает времен, заключенных в ее структуре, она отображает эти времена, иногда приближая, иногда отодвигая их на некоторое расстояние. Проследить и оценить это возможно, наблюдая лексему в ее парадигматических и синтагматических семантических отношениях, а также уделяя особое внимание аспекту многозначности. Слово, как и произведение искусства, хранит одновременно все временные пласты, через которые протекает его жизнь, и находится в форме и структуре сообразно со временем реализуемые смыслы.

Одним из универсальных концептуальных «окон» в семантику и своеобразным инструментом для решения исследовательских задач является мифопоэтическая парадигма. При этом исследователь исходит из идеи о том, что миф – это, прежде всего, «феномен сознания», а не только текст особого рода [Лотман, Успенский, 2010]. Именно такой подход позволяет выявлять, анализировать, объяснять языковые явления и процессы, обусловленные влиянием предлагаемой парадигмы.

В центре внимания – совокупность немецких лексем, объединенных одной «идеей»: в их семантической структуре содержится некое смысловое зерно. Оно реализуется в синтагматических и парадигматических отношениях лексемы, а также в процессах слово- и фразеобразования, в которых участвует соответствующая единица. Речь идет о выявлении влияния мифологического мировоззрения на эволюцию смысловой структуры лексических и фразеологических элементов немецкого языка. Они закрепляются в особых компонентах семантической структуры – мифосемах. *Мифосема* представляет собой когнитивные следы древнего мифопоэтического сознания, которые сохраняются и прослеживаются до наших дней. Этим аспектом исследования и определяется его научная новизна, так как попытка квалификации доминирующей семы (мотивационного признака) как элемента, манифестирующего в конкретной парадигме специфические смыслы, осуществляется впервые, а семантические процессы, выявляемые в этой связи в структуре слова, рассматриваются в общем понятийном пространстве семантических переходов.

Цель исследования – демонстрация возможностей мифосемантического описания лексики, которое дает необходимые инструменты для изучения семантических процессов, определяющих, в том числе, синтагматические и парадигматические отношения языковых единиц в лексической системе языка. Для достижения поставленной цели

¹Хотя этимологизирование не является для нас основным (но представляется весьма существенным) элементом анализа, не можем не сослаться на труд В. Н. Топорова по этимологии и семантике, где, рассуждая о сути этимологии, он относит ее и к эмпирическим наукам, и к теоретическим, и также соотносит с искусством (Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике // Индоевропейские языки и индоевропеистика. М.: Языки славянских культур, 2006. Кн. 1. С. 156).

предполагается решение ряда задач с использованием комплекса методов. Так, метод компонентного анализа и логико-смыслового моделирования применяется для отграничения релевантных для исследования языковых единиц, вербализующих характерные сегменты мифопоэтической парадигмы; для выявления семантических тенденций и изменений используются такие методы исторической семантики, как этимологический и исторический анализ значения слов, а также сравнительный метод; контекстный и дискурс-анализ применяются для анализа значения слов в конкретный период; корпусный анализ позволяет определить частотность использования слов и их значений, а также судить о динамике лексических изменений.

Источник эмпирического анализа – корпус (ок. 300 языковых единиц, лексем и фразем разной степени идиоматичности, рассмотренные в 520 микроконтекстах), сформированный автором на основании литературных памятников разных эпох, а также исторические и этимологические словари; корпусные (в том числе исторические) контекстные данные таких ресурсов, как *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*; *Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm* и др.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Если искать когнитивные основания процессам, определяющим семантические трансформации и обеспечивающим постоянное движение смыслов и значений в одном знаке, то мы не найдем объяснения лучше того, что предоставляет философский словарь в статье, посвященной мифу и мифологическому мышлению: «Мифологическому мышлению свойственно неотчетливое разделение субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, пространственных и временных отношений, происхождения и сущности, безразличие к противоречию и т. п.»¹. Человек не выделяет себя из окружающего мира, на элементы этого мира он переносит свои страхи, чувства, страсти, идеи, результаты действия и т. п. «Эта “еще-невыделенность” представляется нам не столько плодом инстинктивного чувства единства с природным миром и стихийного понимания целесообразности в самой природе, сколько именно неумением качественно отдифференцировать природу от человека» [Мелетинский, 2012, с. 148].

Называя мифологическое мышление также и первобытным, автор говорит о его *диффузности*,

¹Мелетинский Е. М. Мифология // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 377.

проявляющейся и «в неотчетливом разделении субъекта и объекта, материального и идеального (т. е. предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени), вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, статичного и динамичного, пространственных и временных отношений. Пространственно-временной синкретизм сказывается в изоморфизме структуры космического пространства и событий мифического времени» [Мелетинский, 2012, с. 148].

С этим свойством мифологического мышления исследователи связывают и синкретизм. Синкретизм первичного значения <...> лексем является отражением «синкретизма мироощущения» [Колесов, 1989, с. 145]. Таким образом, исходное значение слова по определению синкретично, а его семантическое пространство манифестирует многомерность лежащего в его основе ментального конструкта. Это обстоятельство не может не вызывать определенной семантической диффузности. Она, в свою очередь, способствует развитию метонимии как основного семантического механизма, ибо сообразно мифопоэтической модели мира – практически все аспекты некоего объекта действительности в той или иной степени взаимосвязаны и соположены. Это не исключает, однако, и доминирования одного из аспектов / признаков в разные периоды времени, что обуславливает специфику дальнейшего развития семантики лексемы.

Мифологический способ систематизации, категоризации, дифференциации и, в том числе, номинации явлений и объектов окружающего мира строится на основе чувственных характеристик последних. Чувственные характеристики окружающего мира и суть явлений в системе мифа практически неразрывны. Поэтому всякое явление, существующее в пространстве мира, существует одновременно в завершенности и в динамике. Последняя обусловлена процессами идеального осмысления чувственной реальности и одновременно – своего рода материализацией отвлеченных представлений.

При этом мы не отрицаем метафоричности мифологического мышления, оно, конечно, пользуется метафорой, об этом говорят многие исследователи. И это довольно «общее место», однако, по нашим данным, метонимия как механизм семантической деривации свойственна исследуемому кругу лексем, в не меньшей, если не в большей степени².

²Об особой роли метонимии для семантических трансформаций в диахронии см. подробнее: Рахманова Н. И. Метонимия как источник семантических трансформаций в диахронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 20 (731). С. 370–379.

Еще один аспект мифологического мышления, репрезентируемый уже не только семантическими, но и структурно-семантическими процессами и обусловленный синкретизмом, это бинарность, свойственная мифологической логике, которая проявляется как в оппозициях (типа «день – ночь», «верх – низ», «земля – небо», «свой – чужой», реализуемых соответствующим набором лексем), так и в комплементарных биномиалах, например, *Leib und Leben, Tür und Tor, Wind und Wetter*. Последние, как правило, представляют собой исторические тавтологии. Дифференцируя виды подобных конструкций, мы относим их к историческим биномиалам. Основа их со-существования, как правило, этимологическая или семантическая общность.

Типичная для архаичного сознания стереотипность является в процессе концептуализации окружающего мира своего рода когнитивным инструментом и на современном этапе. Язык регулярно порождает конструкции не идиоматичные, но достаточно формульные по своей сути (*Hilfe und Förderung, Hilfe und Betreuung, Schutz und Geleit, Schutz und Beistand*), это *свободные биномиалы* (см. подробнее: [Цветаева, Панкратьева, 2024]). Причина их возникновения – уже существующая модель. Язык реализует присущее мифологическому мышлению бинарное восприятие мира в процессе его концептуализации.

Сферы, в которых мы находим компоненты биномиалов, – природные явления, элементы, характеризующие пространство и время, некоторые виды социальных отношений, уходящие корнями в архаику. Эта сфера немецкой лексики формирует свою семантику под влиянием определенного мотивационного признака (*мифосемы*). В известной мере его наличие может определять и степень идиоматичности конструкции.

Так, например, мифосема «свое пространство», обусловленная оппозицией «свой – чужой», проявляется в исторических биномиалах *Tür und Tor* и *Haus und Hof*; мифосистема «враждебные силы природы» связана с мифологемой ВОЗДУХ, ее олицетворяет плохая погода в биномиале *Wind und Wetter*. Мифосема «человек-созидатель» обусловлена мифологемой ГЕРОЙ-ДЕМИУРГ и проявляется в биномиале *Glück und Glas*. Все они входят также в состав соответствующих глагольно-именных фразем, фактор идиоматизации и контекстное употребление которых напрямую зависит от выделенной мифосемы. Например, выражение *einer Sache Tür und Tor öffnen* «открывать дорогу» (*букв.* «открывать дверь и ворота»), хотя и используется для описания вполне положительных явлений и событий, когда речь идет о проникновении в условно «свое»

пространство веяний и течений, которые приветствуются, однако, в большинстве случаев характеризует явления нежелательные. Ср.:

Kann das Parkpersonal nicht mehr bezahlt werden, **sind** illegaler Abholzung, Wilderei und anderer Ausbeutung der biologischen Ressourcen wieder **Tür und Tor geöffnet**. – Если сотрудникам [городского] парка больше не будут платить, это откроет дорогу, «даст зеленый свет» (*букв.* «откроет дверь и ворота») незаконной вырубке, браконьерству и иным способам нанесения вреда природным ресурсам.

Fehlerhafte Einstellungen am PC führen zu Sicherheitslücken und **öffnen** für Zugriffe von außen **Tür und Tor**. – Некачественные установки на PC приведут к возникновению брешей в системе безопасности и сделают совершенно открытым доступ к ней извне (*букв.* «откроют дверь и ворота для внешнего доступа»).

Проанализированный массив данных позволяет говорить о тенденции существенного превышения негативного употребления, соотношение составляет примерно 1:3. Обусловлено такое положение вещей именно наличием в исследуемых единицах мифосемы «свое пространство», мотивирующем идею недопущения враждебного и чужого / чуждого в «свое», что репрезентируется в пространстве мифопоэтической парадигмы такими ключевыми элементами, как *дверь* и *ворота*, *Tür und Tor* соответственно.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИФА В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ

Вслед за классиками филологии мы можем утверждать, что миф «проникает в художественные литературные тексты в виде неосознанных, утративших первоначальное значение обломков, незаметных для самого автора и оживающих лишь под рукой исследователя» [Лотман, 2002], когда работает мастер слова, ему доступно то, что недоступно многим, а именно «оживление забытых, утраченных смыслов слов», «...у него все синонимы в голове, а вся частота лексем – в сердце...» [Трубачев, 2005, с. 555]. На примере даже очень коротких поэтических текстов мы видим идейное проникновение мифа в процесс поэтической концептуализации мира вокруг – здесь и пространственно-временной континуум в его единстве, и человек во вселенной в этом континууме, а времена считаются и годами, и днями. Концептуальную универсальность в ее регулярной вербальной

репрезентации мы можем наблюдать в нижеследующих отрывках двух поэтов, представляющих разные (лингво) культуры, эпохи и направления:

Fr. Schiller

Hoffnung

Es reden und träumen die Menschen viel

Von bessern **künftigen Tagen**,

Nach einem glücklichen goldenen Ziel

Sieht man sie rennen und jagen.

Die **Welt wird alt und wird wieder jung**,

Doch der Mensch hofft immer Verbesserung.

<...>

А. Блок

Миры летят. Годы летят

Миры летят. Годы летят. Пустая

Вселенная глядит в нас мраком глаз.

А ты, душа, усталая, глухая,

О счастии твердишь, — который раз?

<...>

И уцепясь за край скользящий, острый,

И слушая всегда жужжащий звон, —

Не сходим ли с ума мы в **смене** пестрой

Придуманных **причин, пространств, времен...**

И если поэзия – это равно тонкий и яркий пример проявления мифа в слове, то и проза может быть весьма убедительной в этом смысле. Так, проникновение мифа в прозу наблюдается у романтиков, даже в тех случаях, когда речь не идет о типично романтических концептах и релевантных для этого дискурса явлениях:

„Sidonie!“ rief Linden aus und war tief erschüttert; „können Sie noch nach diesen schmerzhaften **Wochen und Monden** an meiner Liebe zweifeln? Und genügt es Ihnen nicht, wenn ich Ihnen mein Ehrenwort gebe, daß alles, was Sie von mir gehört haben, sei es von **Freund oder Feind**, die **elendeste** Verleumdung ist? Mögen Sie Ihr Herz denn nicht zu mir neigen und endlich, endlich **wahr und treu und einfach** mit mir umgehen, ohne alle jene Ausschmückungen der Koketterie und eines gesuchten Putzes, der Ihrem edlen Wesen nicht immer gut ansteht?“ (L. Tieck. *Waldeinsamkeit. Klassische deutsche Erzähler*. 1954. S. 28)

Этот небольшой отрывок показывает довольно существенную часть мифопоэтического спектра, причем все отмеченные элементы представлены в мифопоэтической модели мира, каждый в своем сегменте: счет мифопоэтического времени (*nach Wochen und Monden*, букв. ‘после недель и лун’); бинарность мировоззрения и – соответственно

ему – бинарные конструкции (*nach Wochen und Monden*; *Freund oder Feind* – букв. ‘после недель и лун; друг или враг’) и развитие их до тернарной (*wahr und treu und einfach*, букв. ‘истинно, надежно и просто’); оппозиция «свой – чужой» как элемент мифопоэтического пространства (*Freund oder Feind*, букв. ‘друг или враг’); прилагательное *elend* (букв. ‘несчастный, убогий’) в усилительной функции в связи с семантической диффузностью лексемы и отнесенностью к противопоставлению «свой – чужой» (этимологически восходит к корню со значением «внешний, чужой»; подробнее об этом см. [Цветаева, 2013]).

Но и в отрыве от художественного дискурса слова представляют собой живые и развивающиеся памятники времен, как и произведения искусства.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИФА В СЛОВЕ

Анализ языковых фактов в их современном формально-семантическом воплощении предполагает довольно широкую интерпретацию материала. Как известно, логическое / научное мышление и мифологическое не исключают друг друга. Человек не может существовать в какой-либо одной парадигме. Элементы последнего обнаруживаются регулярно и в самом цивилизованном обществе, именно «...гетерогенный характер нашего мышления позволяет нам в конструировании мифологического сознания опереться на наш внутренний опыт. В некотором смысле понимание мифологии равносильно припоминанию» [Лотман, Успенский, 2010, с. 525].

Для демонстрации наиболее очевидных возможностей избранного подхода обратимся к такому «обычному» и простому обиходному слову в современном немецком языке, как *Welt*. Исторически эта лексема представляет собой композит, первый компонент которого – *wer* ‘Mann, Mensch’ (человек). Однако в современном облике слова (структурно и фонетически) об этом ничто не напоминает, а спектр лексических значений – от ‘мир’, ‘вселенная’, ‘человечество’ и др. до практически полностью десемантизированной единицы, выполняющей функцию усиления в составе фразем типа: *du bist doch der beste Mensch (von) der Welt! Was in aller Welt willst du noch mehr? Um nichts in der Welt würde er sich davon trennen* (ср. рус. Ты лучше всех на свете! Ради бога – чего же ты еще хочешь?! Он ни за что [на свете] с этим не расстанется).

Семантическая структура лексемы хранит в себе следы архаического восприятия мира, исходное ее значение – «время человеческое», собственно «жизнь» (*Menschenalter, Menschenzeit*): *двн. weralt, свн. we(r)lt*, это значение сохранялось отчасти и вплоть до ранневерхнегерманского. По

наблюдениям исследователей, термины, обозначающие время у германцев и восходящие к глубокой древности, почти все указывают на цикличность его восприятия людьми или на связь течения времени с человеческой жизнью [Гуревич, 2006]. Мировоззренческая синкретичность обуславливает и синкретичность лексико-семантического порядка, являясь источником метонимического сдвига. Выделяемая нами здесь мифосема – время, соотносимое с понятием времени как мифологемы и мифопоэтически относимое также к человеку в этом времени и пространстве.

Принимая участие во фразеοοбразовании, а именно в образовании бинарных фразем (биномиалов), представляющих собой типичный и довольно многочисленный (в силу исторически обусловленной продуктивности этой конструкции) пласт немецкой фразеологии, лексема *Welt* противопоставляется с одной стороны, *Gott*, а с другой – *Geld*. В первом случае *разг.* *Gott und die Welt* «всё возможное» противопоставляет в своей семантической, еще не-фразеологической, основе Бога человеку вообще, а также человеку как олицетворению светской власти в разных ее ипостасях. Во втором – *Geld ist Geld und Welt ist Welt* («в жизни важны не только материальные аспекты», ср. с *рус.* не хлебом единым) цивилизация противопоставляется культуре, в этом противопоставлении сохраняется архаичная антропоцентричность мировосприятия, в современных условиях вошедшая в понятия этики и морали. Пословица имеет продолжение, зафиксированное, в частности, в словаре Вандера¹: *Geld ist Geld und Welt ist Welt; ein guter Nam behält das Feld.* – *Победа будет за тем, у кого доброе имя.* Это употребление значительно более позднее, но и оно позволяет увидеть семантическую преемственность.

¹URL: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=Wander&lemid=G00430DeutschesSprichwörter-LexiconvonKarlFriedrichWilhelmWander> (дата обращения: 10.06.2025).

В приведенном примере следует отметить два обстоятельства: лексемы, сопоставляемые с мифопоэтической моделью мира, несут в себе типичную для нее синкретичность и диффузность (в данном случае мы наблюдали диффузность в развитии у лексемы функции усиления в ряде выражений разговорного спектра). И именно эти два аспекта в рассмотрении семантики в заданной парадигме следует считать определяющими, они не исключительны, однако во многом определяют семантические процессы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, представленный подход к рассмотрению семантических процессов в мифопоэтической парадигме позволяет раскрыть их глубинные смыслы, которые лежат в основе формирования и развития семантики целого лексико-фразеологического языкового массива. Лексическая семантика регулярно проявляется в слово- и фразеοοбразовании, определяет парадигматику и синтагматику лексем в самом широком смысле слова. В их основе лежит мифологический синкретизм, предопределивший синкретизм семантический, а также метонимию, как основной механизм для создания семантической деривации. Выделение в структуре одной лексемы или в группе семантически близких лексем *мифосем* предполагает всякий раз рассмотрение структуры лексического значения в связи с концептуальной основой соответствующей мифологемы. Причем она в условиях синкретизма может варьироваться в зависимости от контекста словоупотребления. Последнее требует дальнейшего углубленного рассмотрения, что представляется одним из перспективных исследовательских направлений, равно как и более четкое определение влияния выделенного мотивационного признака на расширение семантики языковых единиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. The lexical typology of semantic shifts / P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. (Cognitive Linguistics Research, 58).
2. Marzo, D. Polysemie als Verfahren lexikalischer Motivation. Tübingen: Narr Verlag, 2013.
3. Traugott, E. C., Dasher, R. B. Regularities in semantic change. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
4. Zalizniak, Anna A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 years later // Russian journal of linguistics. 2018. Vol. 22 (4). P. 770-786.
5. Соколов М. Н. Время и место: Искусство Возрождения как перворубеж виртуального пространства. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
6. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 525–543.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Академический Проект; Мир, 2012.
8. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

9. Цветаева Е. Н., Панкратьева Е. С. Формирование и развитие семантики бинарных фразем в немецком языке // Эмпирические исследования германских языков: сборник статей по материалам VII Чтений памяти В. Н. Ярцевой / ред. Д.Б. Никуличева, Н.С. Бабенко, Е.Б. Кротова. М.: Языкознание, 2024. С. 141–152.
10. Лотман Ю. М. Литература и мифология // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 727–743.
11. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура : в 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2005. Т. 2.
12. Цветаева Е. Н. Диффузность семантики лексемы ELEND в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 18 (678). С. 67–72.
13. Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

REFERENCES

1. Juvonen, P., Koptjevskaja-Tamm, M. (Eds.). (2016). The lexical typology of semantic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton. (Cognitive Linguistics Research, 58).
2. Marzo, D. (2013). Polysemie als Verfahren lexikalischer Motivation. Tübingen: Narr Verlag.
3. Traugott, E. C., Dasher, R. B. (2002). Regularities in semantic change. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
4. Zalizniak, Anna A. (2018). The Catalogue of Semantic Shifts: 20 years later. Russian journal of linguistics, 22(4), 770–786.
5. Sokolov, M. N. (2002). Vremja i mesto: Iskusstvo Vozrozhdenija kak pervorubezh virtual'nogo prostranstva = Time and place: Renaissance art as the frontier of virtual space. Moscow: Progress-Tradicija. (In Russ.)
6. Lotman, Ju. M., Uspenskij, B. A. (2010). Mif – imja – kul'tura = Myth – name – culture. In Lotman, Ju. M. Semiosfera (pp. 525–543). St.Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)
7. Meletinskij, E. M. (2012). Pojetika mifa = Poetics of myth. Moscow: Akademicheskij Proekt; Mir. (In Russ.)
8. Kolesov, V. V. (1989). Drevnerusskij literaturnyj jazyk = Old Russian literary language. Leningrad: Leningrad State University Press. (In Russ.)
9. Tsvetaeva, E. N., Pankratyeva, E. S. (2024). Formation and development of binary phrasemes in the German language. In Empirical studies of Germanic languages (pp. 141–152): proceedings of the VII Readings in memory of V.N. Yartseva. Moscow: Jazykovedenie. (In Russ.)
10. Lotman, Ju. M. (2002). Literatura i mifologija = Literature and mythology. Istorija i tipologija russkoj kul'tury (pp. 727–743). St.Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)
11. Trubachev, O. N. (2005). Trudy po jetimologii: Slovo. Istorija. Kul'tura = Works on etymology: Word. History. Culture (vol. 2): in 2 vols. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)
12. Tsvetaeva, E. N. (2013). Semantic diffusiveness of the word elend in modern German. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 18(678), 67–72. (In Russ.)
13. Gurevich, A. Ja. (2006). Izbrannye trudy. Krest'janstvo srednevekovoj Norvegii = Selected works. Peasantry of medieval Norway. St.Petersburg: Saint Petersburg University Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветаева Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsvetaeva Elena Nikolaevna

PhD in Philology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of German
Faculty of German, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.07.2025
17.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication